

Когда они снова поднялись на пятый этаж, Линь Цинъюй с некоторым удивлением отметил, что в коридоре царит тишина и покой.

Они дошли до самой двери кабинета главврача, так и не столкнувшись ни с чем странным.

Линь Цинъюй уже собирался толкнуть дверь, но чья-то рука преградила ему путь.

Он поднял взгляд и встретился с мягкой улыбкой Тан Яньцина:

— Малыш, не боишься, что, как только ты откроешь дверь, на тебя что-нибудь набросится?

Линь Цинъюй усмехнулся, в его взгляде мелькнула тень злого умысла:

— Если суждено умереть, значит, умру. К тому же открывать не тебе.

Сказав это, он надавил на ручку двери, но та не поддалась.

Он обернулся к Тан Яньцину и бросил коротко:

— Открывай.

Тан Яньцин приподнял бровь и, доставая из сумки ключ-карту, поинтересовался:

— С чего ты взял, что я могу открыть эту дверь?

Раздался электронный писк, и замок щелкнул.

Линь Цинъюй вошел внутрь, окинул взглядом пустой кабинет и направился к стене, где висела семейная фотография.

На ней была запечатлена счастливая семья: отец, мать и двое детей, чьи лица светились радостью.

Одно из лиц принадлежало молодому Тан Яньцину, а девочкой на снимке была та самая, которую они встретили ранее.

— Ты её брат?

Тан Яньцин тоже заметил снимок. Посмотрев на него несколько секунд, он лениво отозвался

на вопрос:

— А я думал, ты уже всё понял.

Линь Цинъюй не стал ничего объяснять, продолжая не сводить глаз с фотографии.

О статусе Тан Яньцина у него были лишь смутные догадки, он лишь понимал, что тот связан с этими людьми.

Постояв так некоторое время, он вдруг протянул руку, намереваясь снять рамку со стены, как вдруг со стороны послышался голос мужчины средних лет:

— Малыш, врываться в чужой кабинет и трогать вещи без спроса — за это полагается наказание.

Оба обернулись. Перед письменным столом стояло кресло, в котором сидело нечто высокое, повернутое к ним спиной.

Спинка кресла доходила существу лишь до середины спины.

Не поворачиваясь, существо вытянуло нечто, напоминающее щупальце, которое устремилось прямо к ним.

Линь Цинъюй даже не дрогнул. Он достал розовую заколку и просто поднял её перед собой.

Щупальца замерли в воздухе. Исчезли их пугающая резкость и липкость, теперь они лишь осторожно касались поверхности заколки.

— Откуда у тебя эта вещь?

В голосе существа прозвучало волнение. Щупальца потянулись к заколке, но будто боялись запачкать её.

— Мне её отдала твоя умирающая дочь.

Линь Цинъюй убрал заколку, дожидаясь, пока омерзительные отростки втянутся обратно.

— Что ты имеешь в виду?

Кресло, казалось, хотело развернуться, но замерло на месте, и голос снова донесся из-за

спины.

Линь Цинъюй не ответил. Он лишь слегка склонил голову и посмотрел на Тан Яньцина. В его глазах читался немой вопрос.

Тан Яньцин встретился с ним взглядом. В его глазах сквозила беспомощность, и он мягко произнес:

— Папа.

Щупальца, которые до этого медленно втягивались, внезапно замерли, а затем стремительно исчезли.

Существо замолчало, в кабинете воцарилась тишина.

— Что произошло в этой больнице? — прямо спросил Тан Яньцин.

Судя по семейному фото, главврач искренне любил свою семью. Его улыбка на снимке не была фальшивой.

В комнате повисло молчание. Существо молчало, но они никуда не спешили, дожидаясь ответа.

Наконец, существо тяжело вздохнуло:

— Яньцин, я перед тобой виноват.

Тот буддийский идол вовсе не был буддой.

Когда болезнь Тан Кэ стала неизлечимой, некий незнакомец принес ему статуэтку, уверяя, что она поможет.

У главврача не было выбора, он решил хвататься за любую соломинку.

Кто бы мог подумать, что после того, как Тан Кэ начала носить идола, ей действительно стало лучше.

Но именно с того момента в больнице стали происходить странные вещи.

Сначала шум в туалетах отделения, потом исчезновение органов у трупов — беды посыпались одна за другой.

Самое жуткое было то, что состояние Тан Кэ при этом только улучшалось.

Главврач осознал, что причина в идоле, но закрывал глаза на происходящее. Лишь когда ужасы стали невыносимыми, он начал бояться.

Те невинно погибшие люди, а теперь и его собственный сын... все они могли здесь сгинуть.

Главврач украдкой забрал идола, но ситуация в больнице уже вышла из-под контроля. Всё стало таким, как сейчас.

Прогресс сюжета: 80%.

Рассказ существа сходилась с историей Тан Кэ, противоречий не было.

История звучала правдиво, но можно ли доверять этим двоим?

Линь Цинъюй бесстрастно посмотрел на главврача:

— Она сказала, что без того идола она умрет.

Главврач помолчал несколько секунд, прежде чем медленно ответить:

— Нет... она не умрет. Того, что происходит в больнице, хватит, чтобы она жила. Но Яньцин, это я тебя погубил.

Пока главврач говорил, Тан Яньцин стоял, прислонившись к стене, опустив голову. Его лица было не разглядеть.

Услышав слова отца, он лишь беспомощно усмехнулся:

— Что толку говорить об этом теперь, когда всё уже случилось? Отец, есть ли способ выбраться из этой больницы?

— Нет. В эту больницу можно только войти, но не выйти.

— Повернись.

Линь Цинъюй, наблюдавший за их обменом репликами, внезапно бросил это слово.

Существо замерло, а Линь Цинъюй добавил:

— Твой сын здесь, неужели ты даже не покажешь ему свое лицо?

Он не знал, какими должны быть отношения между родными, но было очевидно, что между этими двумя нет никакой близости.

Они вели себя как чужие люди.

Линь Цинъюй подождал, и кресло медленно развернулось.

Увидев, что перед ними, оба невольно нахмурились и отступили на шаг.

В существе еще можно было угадать человеческие черты, но только в лице.

Всё остальное было словно сшито из разных кусков: руки разной длины, двухсантиметровая шея и неестественно соединенные части тела.

Существо, казалось, не видело в своем облике ничего странного. Оно улыбнулось Тан Яньцину:

— Яньцин, ты не мог бы снять для меня ту фотографию? Я скучаю по твоей матери, а кроме этого снимка у меня ничего не осталось.

— Ты можешь взять её сам.

Тан Яньцин не сдвинулся с места, с изучением глядя на существо.

Те щупальца, что они видели раньше, состояли из сросшихся конечностей, покрытых кровью и странной слизью.

Существо могло ранить людей, но не могло достать рамку?

Не дожидаясь Тан Яньцина, Линь Цинъюй сам снял фотографию со стены.

Он приподнял её и с улыбкой спросил:

— Хочешь?

Существо изо всех сил пыталось сдержать возбуждение, нацепив на лицо подобие доброй

улыбки:

— Малыш, отдай мне её, хорошо?

Щупальце потянулось к Линь Цинъюю, ожидая, что он передаст рамку.

Линь Цинъюй сделал вид, что протягивает вещь, но в тот самый момент, когда щупальце почти коснулось его, он отступил назад и с силой швырнул рамку в стену.

В этот же миг Тан Яньцин бросился вперед, полоснув скальпелем по щупальцу, заставив его на несколько секунд замереть.

<http://bllate.org/book/20571/2055510>